

²⁹ Leder, H. -G. Johannes Bugenhagens –Pomerania”. Humanistische Einflüsse auf die frühe Landesgeschichtsschreibung in Pommern / H. -G. Leder // Leder H. -G. Johannes Bugenhagen Pomeranus – vom Reformier zum Reformator. – Frankfurt am Main, 2002. – S. 135.

³⁰ Heyden, H. Bugenhagen als Reformator und Visitator / H. Heyden // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin, 1958. – S. 19-20.

³¹ Sprengler-Ruppenthal, A. Bugenhagen und das protestantische Kirchenrecht / A. Sprengler-Ruppenthal // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. – 1971. – Bd. 88. – S. 215.

³² Heyden, H. Bugenhagen als Reformator und Visitator / H. Heyden // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin, 1958. – S. 17-19.

³³ Schmidt, R. Der Croy-Teppich der Universität Greifswald, ein Denkmal der Reformation in Pommern / R. Schmidt // Johann Bugenhagen. Beiträge zu seinem 400. Todestag. – Berlin, 1958. – S. 106.

³⁴ Kirchner, H. Reformationsgeschichte von 1532–1555/1566: Festigung der Reformation; Calvin; katholische Reform und Konzil von Trient / H. Kirchner. – Berlin, 1987. – S. 27.

О функции игры в жизни пиратов Западной Атлантики XVI - XVIII вв.

Пастушенко А. О.

Пастушенко А. О. Про функцію гри у житті піратів Західної Атлантики у XVI- XVIII ст. Стаття містить дослідження гри в субкультурі піратів Західної Атлантики XVI -XVIII ст. Виявлені у грі риси піратського світогляду мали деякі особливі ознаки, які впливали із специфіки промислу. Кризь призму гри пробивалися такі якості піратського характеру як азарт, приреченість, патріотизм або космополітизм. У статті приділена увага азартним іграм, змаганням у щедротах, образним втіленням, загадуванню через символи, пісням, музиці та танцям.

Ключевые слова: игра, пират, флибустьер, буканьер, Вест-Индия.

Pastushenko A. A. About game functions in life of Western Atlantic pirates XVI-XVIII cent. Author consider in the article mobile, role and hazardous games, which were most popular among sea robberies of West-India and Bahama islands in XVI- XVIII cent. The purpose of the

work researching of mental qualities of pirate subculture and psychological features of adventurers. The result of researching: pirate games show to us the adventure features of pirate's characters and their specific attitudes to death.

Keywords: game, pirate, privateer, filibuster

*Ігра являється функцією, которая исполнена смысла
Йохан Хейзинга. Homo Ludens.*

В культурологической энциклопедии игра характеризуется как вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в результатах, а в самом процессе¹. Но если попытаться дать более широкое определение сразу возникает масса вопросов о том, какие именно действия человека следует относить к сфере игры. Вслед за Й. Хейзингой можно утверждать, что игровым является любое действие, которое лежит вне сферы «благоразумия практической жизни, вне сферы необходимости или пользы»². Игра, согласно Й. Хейзинге, «это – некое поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени, смысла, зримо упорядоченное, протекающее согласно добровольно принятым правилам»³. В философии немецко-швейцарского писателя Г. Гессе игры рассматриваются как «символическая и многозначительная форма исканий совершенства». Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет находит игру в высоких изысканиях элиты на пути создания новых шедевров.

Й. Хейзинга и Г. Гессе отводят игровым действиям краеугольное место во всем культурном развитии человечества. Х. Ортега-и-Гассет, хотя и не во всем с ними согласен, но так же, как и они, считает игру особенной культуросозидающей функцией, место которой в XX в. заняли «обыденность, утилитаризм и пошлость»⁴.

В задачу данной статьи входит исследование игры, как центральной составляющей культуры уникального пограничного сообщества пиратов Антильских и Багамских островов.

Под играми в данной статье понимаются проявления агональности, как состязания ради удовлетворения духовной потребности личности в самоутверждении, образные воплощения, любые занятия, имеющие четкие правила и игровое пространство, – такими занятиями, помимо прочих игр, следует считать и песню, слагаемую с определенным «сокрытием смысла», и музыку, которая «строится по законам, которые не определяются нормами разума, долга и истины»⁵.

Время развития и затухания флибустьеро-буканьерской субкультуры приходится на XVII – первую половину XVIII вв. Эта культура не была изначально архаичной, поскольку с самого начала основу ее составляли люди, выросшие в рамках старых европейских традиций. Поэтому игра не могла занимать в пиратской субкультуре такого положения, когда, согласно Й. Хейзинге, разыгрываются все культурные компоненты, от религии до правил ведения войны. Вместе с

тем необходимо учесть, что появление первых европейских пиратов в водах Нового Света, вдали от привычных взору берегов их родного дома, в новых исторических условиях, сказалось на их мироощущении, на их «картине мира», и наложило свой отпечаток на старую традицию, став причиной определенных культурных трансформаций. Видимо, в этом и заключался корень уникальной флибустьеро-буканьерской «картины мира». Поэтому истоки пиратской субкультуры следует искать не только в начале XVII в., времени появления первых буканьеров на Антильских островах, но и в XVI в., когда пираты впервые стали заходить в западную Атлантику.

Правомерно возникает вопрос о месте игры в указанном культурном образовании.

Конкретно решением этой проблемы в западной и отечественной исторической науке еще никто не занимался. Правда, стоит отметить, что отдельные пиратские игры получили свое освещение в научных работах. Так, например, азартными играми интересовался американский исследователь К. Лэйн, когда описывал в приложении к своей работе по истории пиратства правила игры в кости⁶.

В отечественной историографии вследствие долгого господства марксистских взглядов в трактовке исторического процесса проблема пиратских игр вообще не ставилась. Только в последнее время появился очерк, посвященный изучению отдельного игрового аспекта пиратской субкультуры XVII – первой половины XVIII вв., так называемого «пиратского театра», написанный В. К. Губаревым, в котором автор поставил под сомнение существование данного феномена, – вопрос, который продолжает оставаться открытым из-за малого количества сохранившихся свидетельств⁷.

Все проявления игры были тесно вплетены в повседневную жизнь пиратов, поэтому зачастую они оставались незаметными, казались современникам маловажными деталями, сведения о которых на стоит фиксировать на бумаге. Как результат, в источниках, которыми располагает в настоящее время историк, сохранена крайне скудная информация, иногда единичная и потому не поддающаяся проверке методом аналогий.

Большинство использованных в данной работе источников относятся к нарративной группе, но есть материалы и из отчетной документации каперских экспедиций. Все они были опубликованы в период между концом XVI в. и началом XVIII в.

Географические рамки исследования, – Антильские острова, Багамские острова и побережье Каролины, – обусловлены границами возникновения и развития сначала флибустьеро-буканьерского сообщества, затем генетически связанного с ним пиратства так называемой «Золотой эпохи» (1699-1720-е гг.). Хронологические рамки выбраны с расчетом на выявление особенных признаков

развиваючоїся піратської субкультури як цільного історичного явлення перших трьох століть присутності європейців в Новому Світі.

Політичні та культурні умови Старого Світу стали причиною особливого ставлення піратів до представників інших народів. Виражаючись мовою Й. Хейзінга, в їх поведінці проявлявся «дух агонії», або змагання.

Порівняно з звітами інших експедицій звіти про кругосвітню плавання Френсіса Дрейка 1577-1580 рр. містять дуже яскраві приклади агоніального поведіння, що демонструють сутність гри в контексті англійської морської культури кінця XVI ст. Варто зауважити, що це був перший спроба англійського кругосвітню плавання, в якій англичани проявили не тільки силу англійської зброї, але й намір перемагати суперника в соціокультурному відношенні.

Вже в самому початку експедиція обставлялася з надмірною розкішшю, яка абсолютно не підходила для секретної піратської операції. На кораблі Дрейка були «професійні музиканти, дорога мебель (на всіх п'яти кораблях посуд був з чистого срібла) з різними демонстраціями всіх видів мистецтв, щоб блиск і могутність його батьківщини затмив усі нації, з якими він зустрітеться»⁸.

В лютому 1578 р., перебуваючи біля островів Зеленого Мису, Дрейк зробив португальським морякам неймовірно щедрий подарунок. «Тут, – пише хроніст плавання Френсіс Флетчер, – ми звільнили португальців, взятих недалеко від Сан-Яго, давши їм замість їхнього старого судна нашу нову пінасу, побудовану на Могадорі: з вином, хлібом і рибою для їхнього харчування»⁹. Факт знаходить підтвердження в звіті морехода «Елізавети», Едуарда Клиффа, згідно з яким пірати дарували португальцям своє вино біля «острова Брава», у якого англичани не змогли взяти свіжу воду¹⁰. Очевидно, що згаданий поступок на морі був рідким прикладом так званого «потлатча», значущого дарування заради величчя дарувача.

Швидко агоніальне поведіння привело до смерті одного джентльмена, який, бажаючи поразити індіанців Південної Америки силою англійської зброї, з такою силою натягнув лук, що у нього лопнула тетива. Ефект виявився зворотнім, – індіанці напали на європейців, а «джентльмен, який стреляв з лука, був поранений і помер через два дні»¹¹.

В 1614 р. голландець Йоріс ван Спейлберген, наслідуючи прикладу Дрейка, вийшов в море на розкішному флагманському судні, обладнаному різними сортами вина і делікатесів, з професійним оркестром і хором матросів, причому в каюти корабля була складена дорога парадна форма для всього екіпажу¹².

В початку XVII ст., через ослаблення іспанської присутності на Антильських островах, піратські команди почали з'являтися безпосередньо біля берегів Нового Світу. Згадані вище вперше в

отчете о плавании капитана Шарля Флери в 1618-1620 гг. убойщики быков, известные как буканьеры, во второй половине XVII в. соединились с флибустьерами Антильских островов и влились в так называемое «береговое братство» – название, которое, видимо, пристало к пиратам позже¹³.

Ряды буканьеров и флибустьеров в основном пополнялись за счет безработных матросов, преступников, дезертиров, беглых рабов и бывших слуг. Там были представители различных народов, но большую часть составляли французы, англичане и голландцы.

Примечательно, что в источниках по истории флибустьерства и буканьерства уже не встречаются агональные намерения превзойти представителей других наций щедростью или роскошью, несмотря на то, что пираты новой формации часто выступали под флагами их родных стран. Вместо этого источники указывают на расточительность буканьеров и флибустьеров, как на способ доказательства личного превосходства. «Некоторые из них (пиратов. – А. П.) умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле... Мой бывший господин, – пишет об одном пирате Эксквемелин, – частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним... Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих»¹⁴.

Живший в 1540-х – 1550-х гг. на Антильских островах аббат Ж. - Б. дю Тертр писал о том, что буканьеры «устраивают такие дебоши, что всё то, что было накоплено ими за два или три месяца, они подчас проедают за четыре или пять дней, и среди них очень мало таких, кто накапливает добро и кто может извлечь выгоду из буканьерства»¹⁵.

Миссионер П. Лаба свидетельствовал, что у флибустьеров конца XVII в. был обычай, который не позволял «...брать деньги с собой в море. Так что, если у них были деньги в карманах, они тратили их в таверне перед отплытием»¹⁶.

Непомерная щедрость проявлялась в азартных играх в карты и кости. Шиком считалось играть на как можно большую сумму денег. У Эксквемелина и в его расширенном французском аналоге 1699 г. содержатся примеры о том, как пираты, проигравшись, вынуждены были продавать себя в рабство. «Вот примечательный пример этого, – пишет Эксквемелин. – Француз по имени Во-Панн (Vent-en-Panne) был неисправимым игроком. Однажды он потерял всю свою прибыль, что составляло пятьсот экю, не считая ста экю и около одной сотни пистолей, позаимствованных им у товарищей... В итоге у него не было иного выхода, как стать слугой соперника. Когда он заработал в этой должности свыше пятидесяти экю, он снова вернулся в игру»¹⁷.

Как катализатор праздности, азартные игры вызывали протест пиратских капитанов. На борту судна игры в карты и кости, как

правило, запрешались¹⁸. Впрочем, в азартных играх проявлялась не только щедрость, но и, конечно, свойственный пиратам азарт. Достойны порицания их азартные увлечения на охоте. Претерпевая голод на побережье Коста-Рики, они «стреляли по обезьянам скорее ради забавы», нежели из-за голода: «...нужно было поразить пулями пятнадцать или шестнадцать обезьян, чтобы принести три или четыре туши»¹⁹. Следует заметить, что жестокость по отношению к животным была свойственна не только пиратам, но и их испанским противникам.

В конце XVII в. пират Уильям Дампир писал о весьма заинтересовавшем его испанском «sport», в котором всадники на скаку подрезали серпами быкам подколенные сухожилия²⁰. Столетием ранее в такой игре с азартом принимали участие пираты Ричарда Гренвиля, находясь на приеме у алькальдов городков на севере о. Гаити Ла-Исабелла и Порт-де-Плата²¹.

Жестокое время и нравы отъявленных преступников вели к тому, что азарт пиратов задавал тон издевательствам над людьми, превращая банальный садизм в зверскую игру. В таком виде описал обычное среди разбойников наказание «Суэт» (Sweat) капитан Ричард Хоукинс, бывший в 1724 г. пленником пиратов: «В палубу, вокруг бизань мачты они вставляют большие свечи, и приблизительно двадцать пять человек становятся вокруг во всеоружии, с палашами, ножами, кортиками, вилками и т. д. в каждой руке. Виновный входит в круг. Скрипач играет веселую джигу (быстрый народный танец. – А. П.), он же должен бежать по кругу десять минут, в то время как каждый человек запускает свой инструмент в его зад»²².

С другой стороны, в отличие от «Суэт», пиратская расправа с игровым подтекстом, известная как «прогулка по доске», не более чем миф XIX в.²³

Не ограничиваясь сферой аморальных развлечений, игра в виде дуэли, как регламентированного правилами поединка, заняла важное место в разрешении споров между флибустьерами и сохранилась в таком виде у пиратов первой половины XVIII в. Текст седьмого пункта правил Бартоломео Роберта дает представление о правилах поединка времен «золотой эпохи» морского разбоя: «Никто не имеет права драться на борту судна, но любая ссора может быть разрешена на берегу с применением сабли или пистолета. В случае, если обе стороны не смогли прийти к соглашению, квартирмейстер едет с ними на берег для того, чтобы проследить за правильностью дуэли и поставить противников спиной друг к другу на положенном расстоянии. Когда дается команда, они поворачиваются и должны немедленно выстрелить, иначе пистолет выбивается из их рук. В случае обоюдного промаха в дело идут абордажные сабли, и квартирмейстер объявляет победителем того, кто первым пустил кровь»²⁴.

В отличие от классической итальянской дуэли в пиратском поединке не требовалось убивать противника, и был один секундант, который

выполнял роль арбитра, а не вспомогательного бойца²⁵. Правила пиратской дуэли строго санкционировались обычаем. Когда один английский пират застрелил в спину французского пирата, Генри Морган приказал повесить преступника. Но обычно за вероломное убийство «виновного... привязывают к дереву, и он должен сам выбрать человека, который его умертвит²⁶». Согласно записи Чарльза Джонсона, боцман, застреливший на борту судна напавшего на него капитана Джона Эванса, при общем одобрении команды был застрелен²⁷.

Практика морского церемониала сближала пиратов с непиратскими командами в традиции салютов при встрече и прощании и регламентации различных посвящений. Один, приведенный у Эксквемелина, обычай в комической форме очень напоминал посвящение в рыцари. Главный боцман при этом исполнял роль корабля или некоего корабельного бога: «Главный боцман облачился в длинный балахон, надел шляпу забавного вида и взял в правую руку деревянный меч, а в левую — горшок с колесной мазью. Его лицо было вымазано сажей. Он нацепил на себя ожерелье из деревянных гвоздей и прочих корабельных мелочей. Все, кого еще судьба не заносила в эти края, становились перед ним на колени, и он крестил им лбы, ударяя при этом по шее деревянным мечом, а подручные боцмана обливали их водой. Сверх этого каждый «крещенный» должен был отнести к грот-мачте бутылку вина или водки... Все это относили к мачте и делили²⁸». Такое действие, безусловно, веселило команду, скрашивая ее тяжелые морские будни.

Вопрос о том, увлекались ли пираты в часы досуга ролевыми играми, остается открытым из-за малого количества указаний на это в источниках. Имеющееся в истории Джонсона упоминание об игре в судей и подсудимых пиратами Томаса Антиса на берегу Кубы в 1721 г., хотя и поддается сомнению, все же имеет много общего с аналогичным примером из истории Лодоньера о такой же игре французских пиратов Форно (Fourneaux) у берегов Флориды в 1565 г.: «...гримасничая, они (пираты. — А. П.) изображали судей. Но они не играли в эту проказу, пока хорошенько не набрались вина, которое еще оставалось на их призе. Один корчил из себя судью, другой представлял мою персону. Судья, после того как он выслушал предмет иска, постановил следующее: «Говори сколько угодно о причинах твоих преступлений, но если мы придем в форт «Каролина» и капитан не прикажет тебя повесить, я не буду считать тебя человеком чести»²⁹.

В обоих случаях пираты комично разыгрывали суд в ожидании официального решения властей в отношении их дела. Здесь видно не только их веселье, но и, возможно, страх перед смертельным приговором суда, страх, от которого они пытались избавиться пародированием судебного процесса.

Отличительной чертой пиратов первой половины XVIII в. стала особая символичность изображений на их флагах. Если загадывание, согласно Й. Хейзинга, это игра³⁰, а символ есть не что иное, как шифр, содержащий скрытый смысл, то чем тогда он отличается от игры? Но символика «Веселого Роджера» это не только «расчет на то, чтобы одурачить противника, прибегнув к загадке», это еще и выражение мировосприятия самих пиратов. Впервые черный флаг был замечен на корабле французского разбойника Эманюэля Винна в 1700 г. с английского военного корабля «Пул» недалеко от Сантьяго-де-Куба³¹. Капитан «Пула» описал в отчете флаг Винна как «траурный знак с перекрещенными костями, головой смерти и песочными часами». Череп с костями как эмблема смерти был принят в некоторых европейских армиях еще в XVI в. Подобные рисунки исследователи находят на надгробиях и в корабельных регистрациях напротив имен умерших в XVII-XVIII вв.³²

Следовательно, развевающаяся на грот-мачте символика смерти ассоциировала судно с могилой, внушая страх жертвам пиратского нападения.

Английский работорговец Уильям Снэлгрейв, побывавший в 1719 г. в плену у морских разбойников, позже вспоминал, что «поднятие указанного флага, по замыслу пиратов, должно заставлять честных купцов сдаваться на милость разбойников под страхом неминуемой смерти в случае сопротивления»³³.

Пленник в 1724 г., капитан Ричард Хоукинс, отметил следующую особенность: «...когда они сражаются под Веселым Роджером, они дают пощаду, которую они не предоставляют, когда сражаются под красным или кровавым флагом»³⁴.

В отличие от встречаемого в начале XVI в. у пиратов Спеилбергена красного знамени, «Веселый Роджер» никогда не предписывался каперам официальными властями³⁵, но был порождением собственной фантазии пиратов.

Обращаясь к роли песни и музыки в среде пиратов, вслед за профессором М. Рейдайкером, можно утверждать, что морская песня была «самой важной культурной формой, скрепляющей узы дружбы между моряками»³⁶. В морских балладах рассказывалось о жизни, приключениях, любви, союзах, встречах и расставаниях. Пожалуй, на каждом пиратском судне звучали рабочие песни, шэнги, которые исполнялись под ритмический аккомпанемент барабанов, скрипок, труб и аккордеонов. Так песня и музыка помогали не только расслабиться, но и ненавязчиво скоординировать групповую работу³⁷. В основную задачу песен, музыки и танцев входило сокращение монотонности тяжелой и опасной повседневной жизни.

Итак, на примере экспедиций Дрейка и Спеилбергена видно, с какой роскошью могли снаряжаться пиратские экспедиции, когда речь заходила о престиже их собственных стран. Особенно интересен

пример «потлатча» в отношении португальцев. Дар врагу в ущерб собственной прибыли едва ли был возможен среди флибустьеров XVII – начала XVIII вв., в значительной степени космополитичных.

Тяжелая и полная опасностей повседневная жизнь обуславливала пристрастие не только пиратов, но и других мореходов к выпивке и к различным проявлениям игры: играм в карты и кости, образным воплощениям в традициях посвящений, музыке, песням и народным танцам. Но отличительная особенность пиратской жизни заключалась в обостренном чувстве азарта, которое после игр в карты и кости проявлялось на охоте, в дуэльном правосудии и в подобных «Суэту» наказаниях провинившихся.

Если с одной стороны жизни был азарт, то с другой – чувство страха и обреченности. К обычной среди моряков боязни умереть от болезней или кораблекрушения у пиратов прибавлялся еще страх быть осужденными на смерть за преступления, от которого, если верить источникам, они могли отстраняться разыгрыванием саркастичных сценок судебного процесса.

Ассоциирующиеся со смертью изображения черепа, костей, песочных часов, капель крови и дьявола на черных флагах начала XVIII в., видимо, следует рассматривать не только как способ психологического воздействия на жертв пиратских атак, но и как печальное бравоирование пиратами их собственной обреченности на короткую жизнь.

Примечания:

¹ Культурология. Энциклопедия. – СПб., 1998. – С. 236-237; Культурология XX в. Словарь. – СПб., 1997. – С. 133-135.

² Хейзинга Й. *Homo Ludens* / Й. Хейзинга; пер. Д. В. Сильвестрова. – М., 2003. – С. 159.

³ Там же. – С. 135.

⁴ Буйдина И. Ф. *Западноевропейские концепции игровой культуры // Введение в культурологию / под ред. Е. В. Попова.* – М., 1995. – С. 47, 54.

⁵ Хейзинга Й. *Homo Ludens* / Й. Хейзинга. – С. 159.

⁶ Lane K. E. *Pillaging the Empire: Piracy in the Americas, 1500-1750* / K. E. Lane. -N. Y.; L., 1998, – P. 130.

⁷ Губарев В. К. Томас Анстис и «пиратский театр». Режим доступа: <http://www.privateers.ru/pirate-myths/myth13.html>.

⁸ Barrow J. *Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake* / J. Barrow. – L., 1861. – P. 36.

⁹ *The world encompassed by Sir Francis Drake, being his next voyage to that to Nombre de Dios formerly imprinted; carefully collected out of the notes of Master Francis Fletcher, preacher in this employment, and diuers others his followers in the same.* – L., 1628. – P. 11.

¹⁰ The voyage of M. John Winter into the South Sea by the Streight of Magellan, in consort with M. Francis Drake, begun in yeere 1577. By which Streight also he returned safely into England the second of June 1579. contrary to the salfe reports of the Spaniards which gave out, that the said passage was not repassable: Written by Edward Cliffe Mariner // Third and Last Volume of the Voyages, Navigations, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. Collected by Richard Hakluyt. – L., 1600. – P. 750.

¹¹ *Indid.* – P. 751.

¹² *Герхард П. Пираты Новой Испании. 1575-1742 / П. Герхард; пер. Б. Кекелишвили.* – М., 2004. – С. 106.

¹³ *Губарев В. К. Буканьеры // Новая и новейшая история.* – 1985. – № 1. – С. 206; *Губарев В. К. Береговые братья: реальность или вымысел? Режим доступа: <http://drrake.mylivepage.ru/wiki/779/242>; Konstam A. Scourge of The Seas. Buccaneers, Pirates and Privateers / A. Konstam. – New York, 2007. – P. 25 - 27.*

¹⁴ *Эксquemелин А. О. Пираты Америки / А. О. Эксквемелин; пер. В. Аронова.* – М., 1968. – С. 76.

¹⁵ *Губарев В. К. Буканьеры.* – С. 207.

¹⁶ *The Memoirs of Père Labat, 1693-1705: First English Translation / Ed. by John Eaden.* – L., 1970. – P. 232.

¹⁷ *Exquemelin A. O. Histoire des Aventuriers Flibustiers Qui se sont Signales dans les Indes, etc. / A. O. Exquemelin.* – Louviers, 2005. – Vol. 1. – P. 92.

¹⁸ *Merrien J. Corsaires et Flibustiers / J. Merrien.* – Louviers, 1957. – P. 122.

¹⁹ *Эксquemелин А. О. Пираты Америки.* – С. 205.

²⁰ *Dampier W. Voyages and Descriptions / Dampier W.* – L., 1699. – Vol. 2. – P. 100.

²¹ *The Voiage made by Sir Richard Greenvile, for Sir Walter Raleigh, to Virginia, in the yeere 1585 // Third and Last Volume of the Voyages, Navigations, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. Collected by Richard Hakluyt.* – L., 1600. – P. 252-253.

²² *Rediker M. Villains of All Nations: Atlantic Pirates in the Golden Age / M. Rediker.* – London, New York, 2004. – P. 87.

²³ *Pringle P. Jolly Roger: The Story of the Great Age of Piracy / P. Pringle.* – New York, 2001. – P. 112.

²⁴ *A General History of the Pyrates, from Their first Rise and Settlement in the Island of Providence, to the present Time... The second Edition, with considerable Additions by Captain Charles Johnson.* – L., 1724. – Vol. I. – P. 232.

²⁵ *Новоселов В. Р. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века // Одиссей. Человек в истории.* – М., 2001. – С. 221 – 230.

²⁶ *Эксquemелин А. О. Пираты Америки.* – С. 64.

²⁷ *A General History of the Pyrates...* – P. 394.

²⁸ *Эксquemелин А. О. Пираты Америки.* – С. 22.

²⁹ A General History of the Pyrates... – P. 335-338; History of the First Attempt of the French (The Huguenots) to Colonize the Newly Discovered Country of Florida. By Rene Laudonniere // Historical Collections of Louisiana and Florida. – New York, 1869. – P. 275.

³⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. – С. 112-123.

³¹ Губарев В. К. Капитан Эманюэль Винн. Режим доступа: <http://drrake.mylivepage.ru/wiki/778/657>.

³² Pringle P. Jolly Roger: The Story of the Great Age of Piracy. – P. 123; Vallar C. The Jolly Roger and No Quarter Given. Режим доступа: <attachment:/2/attachment2.htm>; Копелев Д. Н. Золотая эпоха морского разбоя / Д. Н. Копелев. – М., 1997. – С. 159.

³³ Губарев В. К. Происхождение «Веселого Роджера». Режим доступа: <http://drrake.mylivepage.ru/wiki/779/240>.

³⁴ Pringle P. Jolly Roger: The Story of the Great Age of Piracy. – P. 124.

³⁵ Konstam A. Scourge of The Seas. Buccaneers, Pirates and Privateers / A. Konstam. – P. 153; Speilbergen's Journal // The East and West Indian mirror: being an account of Joris van Speilbergen's voyage round the world (1614-1617), and the Australian navigations of Jacob Le Maire / ed. by Villiers J. A. J. – L., 1906. – P. 19.

³⁶ Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea: Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700-1750 / M. Rediker. – Cambridge, New York, 1989. – P. 189.

³⁷ Beorch S. M. Pirate Lingo / S. M. Beorch. – L., 2007. – P. 28-29.

Гегемонизм и анτισпартанская симмахия в Греции в 395 – 386 гг. до н. э.

Филиппов А. М.

А. М. Филиппов. Гегемонизм та анτισпартанська симмахія в Греції в 395 – 386 рр. до н. е. Стаття присвячена одній з найбільш важливих проблем – проблемі гегемонізму в Стародавній Греції в період Коринфської війни. На основі аналізу різних джерел автор приходить до думки, що Афіни, Фіви, Коринф і Аргос були політичною віссю анτισпартанської симмахії в 395 – 386 рр. до н. е. На думку автора, можливо говорити про гегемоністські задуми найбільш важливих грецьких полісів. Таким чином, автор робить висновок, що симмахія 395 р. до н. е. являла собою базу для реалізації гегемоністських планів Афін, Фів, Коринфа і Аргоса.